

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

на две группы не всегда применима. Так, *inzo* (дом), которое должно относиться, так же как *sabu*, *xitu* и др., к группе имен существительных, образующих мн. число при помощи префикса *ji*, т. е. по примеру *jisabu*, *jixitu* и т. п., должно быть *jinzozu*, имеет на самом деле формой множественного числа *manzozu*. Это видно из примера (на стр. 54), где читаем *mal'ama matungu mango mopene* — (эти люди построили большие дома). Однако, *inzo*, по Джонсону, не должно иметь во множественном числе префикса *ma*, так как «к тому классу (т. е. к plur. *ma*) принадлежат слова начинающиеся в единственном числе на *ku*, *lu-*, *tu-*, *u-* и *w-*» (стр. 28). Соответственно с этим и образование прилагательных, зависящих от *inzo*, не подходит под рубрики, установленные Джонсоном (напр., *inzo uopene*, ср. также *mzugu uopene* и др.). Все сказанное относится также к *menya* вода (напр., *menya ma tema*), которая сама по себе относится к *pluralia tantum* и не подходит к классификации Джонсона. Большой интерес представляет собою образование рода в названиях животных. При отсутствии грамматического рода это достигается прибавлением особых слов «самец» или «самка», но существуют различные группы этих обозначений и конструкции при их образовании.

Для определения женского рода всех животных и птиц употребляется *mukaji-*, так: *mbudi ya mukaji* — коза, *sanji ya mukaji* — кура; соответственно с этим мужской род будет обозначен при помощи *ndumbe* — для животных и *dikolombolo* — для птиц; так *mbudi ya ndumbe* — козел, *sanji ya dikolombolo* — петух. Из всех животных выделены мелкие антилопы, которые обозначаются иным способом. Мужской род антилоп определяется словом *mbingolo*,

женский — *dibanda*, причем самый вид этих антилоп является определением к этим словам — так *mbingolo ya soko* — антилопа, соко самец а *dibanda dya soko* — антилопа соко самка. Интересны также различные оттенки в образовании так наз. родительного падежа — *mubika wa mubatu* отлич. от *mubika a mubatu* (раб женщина = рабыня или раб женщины).

Глагольная система изложена так же, как и номинальная, своеобразно, но аргументации, обосновывающей ее, также нет никакой. Для разбора ее также остается ждать выхода в свет полного издания *Mbundu Grammar*.

Д. Ольдеропе.

Gore, The Rev. Canon E. C., of the Church Missionary Society. *A Zande Grammar*. London, The Sheldon Press, S. A.

«Современное состояние построения грамматики языков банту в крайней степени неудовлетворительно. До сих пор почти никто не обращал внимания на то, что грамматика банту требует иной трактовки, отличной от английского, французского, немецкого или латинского образца». «Все исследователи признают классы имен существительных, согласования, производные глагольные формы и другие очевидные отклонения от привычных им грамматических систем; но одновременно с тем они серьезно трактуют о падежах, степенях сравнения, причастиях, аористах, и о многих других явлениях, которые не существуют в языках банту».

Эти слова одного из крупнейших знатоков языков Южной Африки С. М. Доке приложимы не только к изучению банту, но, пожалуй, еще, в большей степени они могут быть отнесены к ис-

следованиям в области суданских и хамитских языков. Достаточно указать, напр., на работу Klingenheben'a о системе глагола в яз. хауса, где последний доказывает несостоятельность существующей и прочно установившейся во всех грамматиках хауса системы глагольных спряжений по временным категориям. Эти категории по мнению Klingenheben'a для Хауса не существуют, и вся система соответственно с этим должна быть построена совершенно иначе — с учетом видовых, а не временных различий.¹

Если работы подобного типа еще не проделаны в области исследования сравнительно хорошо изученных языков хауса или банту, то еще большие задачи стоят перед исследователем суданских языков.

В этом отношении особенно интересна недавно появившаяся грамматика занде, составленная английским миссионером Goge. Язык занде распространен в северной части бельгийского Конго и в юго-западных областях англо-египетского Судана и, наряду с бангала, — является наиболее значительным языком Центральной Африки. На этом языке говорят не только азанде, но и целый ряд других племен, в значительной части утративших свои племенные языки и принявших занде. До последнего времени не существовало никаких работ, посвященных этому языку за исключением кратких словариков и разговорников узкопрактического значения. Таким образом язык занде оставался вполне неизвестным вплоть до 1921 г., когда Lagae и Vanden Plas издали записи текстов на этом языке и снабдили их кратким грамматическим очерком

в качестве введения.¹ Таким образом Goge является в полном смысле слова пионером, и его грамматика вводит этот язык в лингвистический обиход и дает возможность для работ в области сравнительного исследования языков Африки. Язык занде представляет исключительный интерес в этом отношении, так как он находится на самой границе соприкосновения суданских языков с языками группы банту. Уже то немногое, что было известно о словарном запасе языка занде, дало возможность Н. Baumann'у² сближать занде с западно-суданскими языками группы Gurma-Gurunsi, на основании сравнения слов. В настоящее время положение занде среди других языков может быть уяснено в значительно большей степени.

Наиболее интересным открытием, сделанным Goge, является установление существования четырех родов имен существительных. Он насчитывает — мужской, женский, животный и нейтральный роды. К первым двум родам относятся имена существительные, обозначающие людей, к последнему — «нейтральному» относятся самые разнообразные имена существительные и нет никакой возможности определить какое-либо общее им всем значение. Наиболее замечателен третий род — Animal Gender — род животных, как называет его Goge. Впрочем, название это было, очевидно, подсказано ему туземцами, так как они все имена существительные, относящиеся к этому роду, определяют сами как «Agbigo» — «насекомые».

К классу животных или, употребляя туземный термин — классу «насекомых», относятся прежде всего животные,

¹ A. Klingenheben. Die Tempora Westafrikas und die Semitischen Tempora. Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen. Bd. XIX. Heft 4, стр. 241—268.

¹ Lagae of Vanden Plas. La Lanque des Azande. Bibliothèque Congo. Nr. 6, 1921. Bruxelles.

² H. Baumann. Die materielle kultur der Araude u. Mangbetu. Bässler-Archiv, 1927, Bd. XI.

птицы и насекомые — напр., собака, сова, термиты и т. д. Однако этим не исчерпывается содержание класса, к нему относятся также — луна, звезда, гром и радуга. Сам Goge не дает этому никаких объяснений, однако вероятно, что эти небесные светила и явления имеют непосредственную связь с животным миром. Известно, напр., что радуга у многих народов Африки представляется в виде змеи, в том числе и сами азанде, как сообщает об этом Weissenborn,¹ рассказывают, что радуга — это большой змей.

Кроме того, к тому же роду относятся названия некоторых орудий, и, что особенно интересно, группа орудий, предназначенных для охоты — бумеранг, силки, сети, веревки и т. п. Названия музыкальных инструментов относятся также к этому роду — это также необходимо отметить, но, к сожалению, воззрения туземцев, связанные с музыкой, слишком мало известны.

Наконец, к этому же классу относятся также небольшая группа слов различного значения и некоторые заимствованные слова из европейских и турецкого языков.

Интересно, что отнесение заимствованных слов к классу животных обычно для некоторых языков банту, напр., особенно богатый такими заимствованиями суахели причисляет все иноземные слова к классу *ñ* (*ny*) (классу животных) и т. п.

В существовании различных родов мы имеем ту же самую грамматическую особенность, что и в классах, имен существительных в языках банту. Существует, на первый взгляд, некоторое сходство, позволяющее, напр., первые два рода сближать с классом 1 и 2 имен

существительных банту, а *Animal Gender* сближить с 9-м классом,¹ тем более что прототипом префикса *ny-* (*ini-*) этого класса, по гипотезе Мейнхофа, является *inyama*, *nyama* «животное» — слово обычное в языках группы банту и существующие также в яз. занде, где животное — «*nyu*».

Однако при этом внешнем сходстве существуют глубокие различия. Прежде всего в языке занде грамматический род различается по личным местоимениям 3 лица единственного и множественного чисел (*Subj.* и *Obj.*), тогда как в группе банту, так же как и в сходных с ними так наз. «классовых языках» Западного Судана, различие это идет по линии именных префиксов (*resp.* суффиксов).

Кроме того, языкам банту чуждо различие мужского и женского родов. Таким образом в яз. зулу, в предложении: *watesafika wapuma Ulangalasezantsi, wati*: «*Woza lapa, mntanami*» — «когда она пришла, Улангаласензанци вышел и сказал: «пойди сюда, мое дитя», остается неизвестным: кто пришел — он или она, неизвестно Улунгаласензанци — мужчина или женщина и неизвестно так же, зовет ли он мальчика или девочку. Для определения всего этого нужно знать все обстоятельства, среди которых происходит действие. Так же точно в Суахели — *apamwona* равно возможно понять: «он видит его» — или «она видит его» и т. д., все 4 возможные комбинации. Между тем азанде, благодаря существованию личных местоимений мужского и женского родов, точно проводит это различие, однако лишь в отношении одних только людей. В этом занде напоминает английский язык с его различием *he, she* для людей и *it* для животных без различия пола. В языке занде образование мно-

¹ *Tierkult in Afrika* (1905), JAE XVII.

¹ Обозначая классы по общепринятой классификации Meinhof'a.

жеств. числа имен существительных при помощи префикса *a-* сходно с другими суданскими языками. Напр., *занде: de* (женщина) — мн. ч. *ade*. Ср. *Банда — yase* (женщина) — мн. ч. *чуase*. Или в образовании множественного числа от собственных имен *Ngindo* (один из рода *Ngindo*), мн. ч. *Angindo*. *Банда — Ende* (один из рода *Ende*), мн. ч. *Aende*.

Все изложение образования глагольных форм нуждается, повидимому, в дальнейшей работе и разъяснении.

«Глагол — наиболее важная часть речи в языке *занде*», — начинает *Gore* изложение системы спряжения. Согласно ему, глагол спрягается соответственно категориям времени, и спряжение его распадается на две группы. Первая группа времен имеет в своей основе форму неопределенного наклонения — *ka manga* (*to*) *do* — и имеет три времени — настоящее (*Present Continuous*), прошедшее несовершенное и будущее.

Внимательное ознакомление с грамматикой и текстами записей позволяет усомниться в правильности этой схемы. Дело в том, что форма прошедшего несовершенного и форма будущего времени совпадают — обе звучат совершенно одинаково — *mi a manga*, так что нет никакого повода разделять единую форму на две части. Повидимому, мы имеем в данном случае категории вида, а не времени, и таким образом различаются действие, совершающееся в наст. время, сейчас длящееся (= *Present Continuous*) и действие незаконченное, безотносительно ко времени, которое таким образом может обозначать (в переводе на временные категории европейских языков) одновременно и прошедшее и будущее — подобно семитическому *Imperfect'u*. Образование первой формы — так наз. *Present Continuous* — *mi na manga* (я делаю) хотелось бы объяснить

на подобие аналогичной по значению формы в языках банту: *Ni na fanya* (я делаю). Эта последняя форма образована при помощи *na* союза «с» — таким образом в переводе буквально означает — «я с деланием» = я делаю. Форматив *na* автор никак не разъясняет, однако *na* (или *ni*) имеет значение «с» совершенно так же, как в банту. Таким образом, напр., *mo ye na bande na ngbaku*, т. е. принеси (ты) молоток и долото, точнее — ты иди с молотком, с долотом, где глагол приносить передан через — «итти с», явление обычное в суданских языках. Таким образом глагольная форма *mi na manga* может иметь значение «я с деланием». Что касается — *manga* в его интерпретации как неопределенного наклонения — в виде (ка) *шанга* = (*to*) *do*, следует видеть в этом дань привычным европейским представлениям о необходимости иметь основу спряжения в *infinitiv'e*.

Частица *ka*, входящая в состав этой формы, имеет очень сложное значение и широко применяется в целом ряде форм с основным значением «возможность» или «достаточность» какого-либо действия. Нет никакого основания, таким образом, выделять *Infinitive Mood* — *ka manga*, отделяя его от *Verbal Noun* — *manga*. Вторая форма действительно является одним из основных элементов целого ряда глагольных форм, а первая лишь результат научного схематизирования. То, что было сказано о «временах» *mi na manga* и *mi a manga*, может быть отнесено также ко всей схеме, где совпадение форм необычайно велико. Напр., *mi na a gumba* — имеет значение *Past Imperfect* и *Distante Future* и *Present Continuous*; *Mi a gumba* — означает одновременно *Future*, *Distante Future*, *Frequentative Future*, *Past Imperfect*,

Present Indefinite, Present Frequentative, Past.

Эти примеры наглядно показывают, что схема, составленная Gore по европейскому образцу, не подходит для глагола яз. занде.

Рассмотрение IX главы (the verb «to be») показывает ясно, что обоих глаголов, являющихся основными для европейского мышления — «быть» и «иметь» — в языке занде нет. «Быть» передается при помощи неизменяемых частиц *du*, *nga*, *ngia*; «иметь» при помощи *du* со следующим за ним *de*, означающим «рука»; таким образом, «он имеет нож» = «нож у него в руке» — способ выражения обычный для большинства языков Африки вплоть до берберского. Соответственно с этим странно видеть парадигмы спряжения глагола быть по бесчисленным временам и наклонениям.

Параграфы 22—24, посвященные изложению падежей, также убеждают, что в языке занде, впрочем, как и во всех суданских языках и языке банда, падежи отсутствуют. Понятия, соответствующие падежам европейских языков, передаются синтаксически при помощи определенной расстановки слов в предложении (The Nominative stands at the beginning of the sentence (p. 24); The Accusative follows the Verb which governs it, etc.), причем обычный порядок слов следующий: субъект — глагол — объект. Интересны способы обозначения родительного падежа — они различны в зависимости от характера отношений; напр., различается: *Gene Gangura* — «тропинка Гангуры», т. е. тропа, ведущая к деревне, в которой живет Гангура, и *Ga Gangura Gene* то же — «тропа Гангуры» — но принадлежащая ему. Этот способ различения двух видов взаимоотношений напоминает, хотя,

повидимому, вполне точного соответствия и нет, аналогичные конструкции в яз. мандинго, отмеченные Delafosse.¹ Мандинго может сказать *a-ta kursi* — «штаны его (принадлежащие такому-то)», но сказать таким же образом «отец такого-то» нельзя — для мандинго это будет нелепостью, ибо отец не может принадлежать сыну. В последнем случае должен быть употреблен иной способ выражения.

Очень интересна система счета азанде — она поражает своей архаичностью. В основе ее лежит пять, так что шесть = 5 + 1, семь = 5 + 2 и т. д. Для десяти и пятнадцати существуют особые числительные. Двадцать не имеет определенного слова для его обозначения, так как в зависимости от того, что считают, употребляются соответствующие личные местоимения: напр., если ведется счет людям — то говорят *boro gi galı*, т. е. буквально — человек устанавливает нас («stands us») (личное местоимение мужского рода), или *boro gi uo* — человек устанавливает их. При счете животных употребляется местоимение животного рода — *boro gi ga*. Если же считают разнообразные предметы — то придется употребить местоимение нейтрального рода — *boro gi e*; счет свыше двадцати — имеет следующий вид: 21 — *boro gi e zi be sa* «человек устанавливает его, возьми от руки один», или — «человек устанавливает его, возьми от человека здесь один», или — «человек устанавливает его, считай дальше с другой стороны один». Таким образом счет ведется дальше, причем всякий раз слова изменяются в зависимости от предметов счета и числа лиц, присутствующих при этом. Счет ведется по пальцам рук и ног, когда сосчитан один чело-

¹ Bull de la Soc. ling. (Paris) XVIII (1913) p. 343.

век, счет продолжается на другом — счетчик считает пальцы и т. д. Таким образом всякое число, большее десяти, определяется целым длинным и сложным предложением — так напр., 33 — *boro gu e zi be boro yo bawe bati sende yo biata*, и следует иметь в виду, что в разных случаях оно будет иметь иной вид в зависимости от личных местоимений и одного из трех оборотов речи (таких комбинаций может быть минимум 9). С этим счетом связан целый ряд жестов, употребляющихся для чисел, кратных пяти. Хлопанье в ладоши — 10, двумя руками по одной ноге — 15, одной рукой по одной, а затем по другой ноге — 20, то же, повторенное еще один раз = 40, повторенное подряд три раза = 60 и т. д. Если азанде хочет сообщить об очень большом числе, он много раз хлопает ладонями по своим ногам, «напоминая петуха, который готовится к полету».

Способ счета азанде сильно отличается от того, что известно о числительных соседних с ними суданских племен, не говоря уже о системе счета у банту, но имеет со всеми ими то общее, что он основан на ручном счете и в том, что в соответствии с этим вся его система основана на пяти. Достоинно указания то, что пять обозначается числительным от слова «рука». Если возможно сделать предположение (пока не подкрепляя его более основательными доказательствами), то я бы сказал, что быть может в системе счета Азанде сохраняются следы еще более древней, чем пятиричная системы счета. Хотелось бы видеть в названиях для числительных указания на существовавшую некогда систему счета только до трех, встречающуюся и поныне в бушменских говорах и вскрываемую на основании пережитков в языках банту. Доводом в пользу этого может служить то, что

числительные от 3 до 5 имеют сходную форму: так, 1 — *sa*, 2 — *ue*, 3 — *biata*, 4 — *biama*, 5 — *bisue*. Быть может *bisue* действительно заключает в себе *ue* — 2, представляя собой, таким образом, 3 + 2?

Надо еще указать на то, что глагол в языке азанде всегда оканчивается на гласный *a* — явление, характерное и для всех языков банту. Этого обстоятельства не отмечает Goge, вероятно, потому, что он к глаголам причислял частицу *du*, считая ее спрягаемым глаголом быть. Сходно с языками банту также и образование производных глагольных форм. Особенно любопытно, что каузативная форма образуется при помощи суффикса — *sa*, напр., *bata* — *batasa*; *nyaka* — *nyakasa* и т. п. Здесь сходны не только способ образования (суффиксация), но и сам суффикс — *sa* одинаков по своей форме с соответствующим ему по значению суффиксом — *sa* в языке банту.

Говоря здесь о соотношениях языка азанде с соседними языками, я указывал преимущественно на сближения с языком банту. Именно эта сторона придает грамматике Goge особый интерес для африканского языкознания. Она дает много нового ценного материала для уяснения вопросов об отношении суданских «группирующих» (употребляя термин, защищаемый Meriggi) языков к языкам агглютинативного строя — банту. Не стоит повторять, конечно, — это было уже сказано выше, — что работа Goge впервые знакомит исследователей с интереснейшим языком, языком народа, сыгравшего большую роль в истории Центральной Африки, в этом ее исключительная ценность.

Д. Ольдеропе.